HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943-1953 годах
Author(s)	Шкаровский, Михаил
Citation	Acta Slavica Iaponica, 27, 1-27
Issue Date	2009
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39580
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI27_001.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 27, pp. 1–27

Articles

Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943–1953 годах

Михаил Шкаровский

Постановка проблемы, новизна статьи и основные выводы

История Русской Православной Церкви советского периода была, прежде всего, историей неслыханного ранее в России гонения на веру. Известно, что сталинские репрессии 1930-х гг. унесли жизни сотен тысяч православных священнослужителей и мирян. В это страшное время было закрыто подавляющее большинство храмов, упразднены все монастыри, разрушена система духовного образования, уничтожены миллионы книг религиозного содержания и т. д.

Антицерковная деятельность советской власти широко известна во всем мире, однако известна она, прежде всего, с «внешней» стороны террора, насилия и воинствующей атеистической пропаганды. Вместе с тем за рамками большинства источников и научных исследований, как правило, оставались скрытые от посторонних глаз механизмы направленной на подчинение Церкви партийно-государственной работы. Предлагаемая читателям статья является одной из первых попыток представить обобщенную картину церковно-государственных отношений в СССР в последний период жизни и правления Иосифа Сталина (1943–1953). В работе рассматриваются некоторые еще незатронутые исследователями аспекты российской церковной истории новейшего времени, при этом был использован обширный корпус источников, в числе которых много ранее недоступных архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

Большинство затронутых в статье проблем напрямую связано с современностью. К их числу относится, например, вопрос о «внешнеполитическом» курсе Московской Патриархии. Именно со сталинских времен советское руководство стремилось использовать Церковь в интересах своей внешней политики, видя в ней союзника в деле привлечения мирового общественного мнения на сторону внешнеполитических инициатив СССР. Советское государство хотело направить международную активность Московской Патриархии на объединение деятельности Православных Церквей (прежде всего из стран так называемой «народной демократии», а также Ближнего Востока) «в противостоянии политике капиталистических держав». Однако руководство Патриархии сумело использовать эти контакты для защиты и отстаивания интересов Церк-

ви внутри страны. С течением времени советское правительство было вынуждено все в большей степени считаться с мнением мировой общественности, соответственно корректируя свои действия по отношению к Русской Церкви.

Определенное внимание в исследовании уделено вопросу о роли тех или иных церковных деятелей в развитии государственно-церковных отношений в СССР. Немалый интерес представляет вызвавшая в последние годы многочисленные спекуляции проблема взаимоотношений Московской Патриархии с органами государственной безопасности и иными учреждениями, призванными осуществлять контроль над церковной деятельностью. Автор рассматривает общий курс политики советского руководства в отношении религии и те колебания, которым он подвергался в зависимости от внутриполитической ситуации, внутрипартийной борьбы и «нужд текущего момента».

Существенным вопросом исследования является выявление определяющих факторов государственной религиозной политики. Некоторые из них уже изучались ранее – идеологический, внешнеполитический и других, но в основном частично. Важно проследить взаимное влияние международных акций и внутриполитического положения Русской Православной Церкви. Ряд факторов указывается впервые, например, экономический. В существующей историографии недостаточно разработана такая важная проблема, как периодизация государственной религиозной политики в СССР. Автор статьи выделяет и описывает два этапа этой политики: 1943–1948 и 1948–1953 гг.

До сих пор в историографии отсутствует достаточно разработанная аргументация смены курса религиозной политики. В статье подробно исследована эта проблема в рассматриваемый период. Так, например, в 1948 г. повлияло резкое падение заинтересованности властей в международных акциях Русской Церкви, крах средиземноморских планов Сталина (Греция, Турция, Израиль) и, соответственно, утрата острого интереса к Восточным Патриархам; в основном завершилось и выполнение Московской Патриархией своей «миссии» в странах народной демократии; неудачей закончились планы создания «Православного Ватикана», что ярко проявилось в ходе совещания глав автокефальных Церквей 1948 г. и т. д. Кроме того, существовал комплекс внутриполитических причин: переключение внимания Сталина к новому витку внутриполитической борьбы, чисток и репрессий, вынужденные уступки части партийного аппарата, не понимающей и не приемлющей послаблений Церкви, некоторые кадровые перестановки. Вообще «благополучие» Московского Патриархата в первое послевоенное восьмилетие в существующих исторических трудах явно преувеличивается. В этот период преобладал сугубо прагматический подход. Как только острая заинтересованность пропала, с осени 1948 г. и до смерти И. Сталина правительство не разрешило открыть ни одного храма, участились аресты священнослужителей.

Соответственно был охарактеризован каждый переход к новому этапу и основные их особенности.

С середины 1940-х гг. религиозная политика в СССР осуществлялась в контексте общего послевоенного развития страны. На нее самым непосредственным, зачастую определяющим образом влияли имперские амбиции «сталинского» периода, атмосфера холодной войны и борьба за лидерство в КПСС конца 1940-х – 1950-х гг. Московская Патриархия расценивалась руководством СССР, прежде всего, как инструмент государственной внешней политики – в разные периоды более или менее важный. До 1948 г. Советский Союз не располагал ядерным оружием, и сталинское окружение для реализации своих далеко идущих планов вынуждено было использовать другие средства, в том числе небезуспешно и церковные каналы.

После 1948 г. пришло время другой политики, связанной с ядерным противостоянием. Московской Патриархии в ней также отводилась определенная, но гораздо более скромная роль – главным образом участие в просоветском «движении за мир», призванном компенсировать отставание СССР по военному и экономическому потенциалу от стран Запада. Кроме того, в первые послевоенные годы (до 1948) в строго ограниченных рамках поощрялась и деятельность Русской Церкви внутри страны. Это объяснялось логическим продолжением движения от интернационализма и других марксистско-ленинских постулатов к строительству «национальной империи», намечавшегося еще в 1930-е гг., с возобновлением преподавания «гражданской истории» и через роспуск Коминтерна и победу в войне приведшего к кампании борьбы с космополитизмом в конце 1940-х гг. При этом Сталин, по сравнению с другими руководителями СССР, все-таки более прагматично относился к религиозным организациям.

Следует отметить противоречивость процесса «огосударствления» Русской Церкви. «Взаимовыгодные контакты» части государственного аппарата с Патриархией достигли максимальной степени в 1943–1948 гг., тогда же Русская Церковь играла заметную роль в планах правительства, ей уделялось наибольшее внимание высшего руководства страны, выдавались крупные суммы валюты и т. п. Складывался целый слой духовенства, заинтересованного во внешней, и частично во внутренней политике государства (помощь в борьбе с сектантами, униатами, тайными церковными течениями). С другой стороны, многие государственные и партийные чиновники выражали недовольство сближением с Церковью, что стало одной из важных причин изменения религиозной политики. Таким образом, последние годы правления Сталина представляли собой сложный, многофакторный и выделявшейся своей уникальностью период государственно-церковных отношений в СССР.

Историографический обзор

Избранная тема привлекала внимание историков, однако, пока изучена недостаточно. В российской историографии, по существу, первым к данной теме обратился В.А. Алексеев. В 1991–1992 гг. он написал две монографии, в которых частично рассматривается и советская религиозная политика в 1943–1953 гг.[1] Алексеев собрал интересный фактический материал, выдвинул ряд обоснованных гипотез. В частности, он справедливо подчеркивал значительную силу политической традиции, инерции антирелигиозной борьбы у большей части партийного и комсомольского аппарата, которая определяла и многие аспекты политики советского государства по отношению к Русскому Православию в целом. Однако практически не рассматривается ответная реакция Церкви, не уделяется должного внимания позиции духовенства и мирян. При изучении действий государства акций отсутствует комплексный подход, исследуются, главным образом, идеологические аспекты. Влияние же внешнеполитической линии руководства СССР почти не учитывается. Нет в книгах и четко выделенной периодизации религиозной политики. Кроме того, В.А. Алексеев – бывший работник аппарата ЦК КПСС; как и в своих статьях 1980-х гг. он несколько идеализирует государственно-церковные отношения.

Таким же недостатком страдает небольшая по объему монография М.И. Одинцова «Государство и церковь в России. XX век». Послевоенному периоду в ней посвящен лишь один параграф. Основное внимание уделяется изучению деятельности органов, непосредственно осуществлявших государственную политику в религиозном вопросе, и эволюции конституционно-правовой базы государственно-церковных отношений. Попытки совместить представления 1980-х гг. с информацией из рассекреченных архивных фондов порой приводили автора к противоречащим друг другу утверждениям. Так, с одной стороны, говорилось, что с созданием в 1943 г. Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ) возрождался институт обер-прокурорства, с другой, – что заслуги председателя Совета Г.Г. Карпова в возрождении Церкви были велики и пока еще объективно не оценены. Справедливо утверждалось, что «церковный институт» использовался для решения прагматических политико-идеологических целей внутри страны и на внешнеполитической арене, но в то же время подчеркивалось, что в аппарате КПСС всегда имелись силы, выступавшие против подчинения государственной религиозной политики идеологии правящей партии. Очень уязвим для критики и итоговый вывод: в 1917–1965 гг. у государства не было какой-либо единой линии, существовало «своеобразное сочетание элементов предшествующих мо-

1 *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991; *Его же.* «Штурм небес» отменяется? М., 1992.

делей» – традиционной самодержавной, буржуазной и «присоединившихся к ним собственно социалистических элементов», «в различные периоды преобладали то одни, то другие элементы, определяя в целом характер государственно-церковных отношений».[2]

В нескольких работах российских историков рассматривались отдельные, частные сюжеты. Так, П.Н. Кнышевский писал об использовании религиозных организаций советской разведкой, Д.А. Волкогонов о влиянии личных качеств И.В. Сталина на церковную политику государства. О.Ю. Васильева большое внимание уделяла попыткам сделать сразу после окончания войны Московскую Патриархию «Православным Ватиканом» и ожесточенной борьбе с настоящим Ватиканом, что сильнейшим образом влияло на общую картину. С.А. Чеботарев написал монографию по истории Тамбовской епархии в 1940-е – 1960-е гг. и т. д.[3] Существенный вклад в изучение деятельности Совета по делам Русской православной церкви внесла Т.А. Чумаченко, правда, она, как представляется, безосновательно взяла в качестве хронологических рамок своей монографии период 1941–1961 гг.[4] Эту же тему освещается в книге И.В. Шкуратовой.[5] Попытка советского руководства использовать Русскую Православную Церковь для реализации своих внешнеполитических целей была исследована в недавно вышедшей коллективной монографии «Москва и Восточная Европа».[6]

Священнослужители Московского Патриархата в своих работах лишь недавно начали писать об истории Русской Церкви во второй половине XX века. В затрагивающих же эту тему трудах порой встречаются очень разные оценки. Так, протоиерей Владислав Цыпин в своих книгах избегает обобщающих выводов и полемических крайностей, достаточно спокойно излагает самые трагические события. Он считает, что с 1943 г. около 15 лет продолжалась новая, доброжелательная к Церкви политика государственной власти.[7]

---

2 *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 106, 128–129.

3 *Кнышевский П.Н.* Истоки тотального шпионажа // Государственная безопасность и демократия. 1993. № 2. С. 30–52; *Волкогонов Д.А.* Сталин и религия // Наука и религия. 1989. № 2. С. 10–11; *Васильева О.Ю.* Ватикан в горниле войны // Наука и религия. 1995. № 6. С. 14–16; *Ее же.* Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. М., 2004; *Чеботарев С.А.* Тамбовская епархия 40–60 гг. XX века. Тамбов, 2004.

4 *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.

5 *Шкуратова И.В.* Советское государство и Русская православная церковь: проблемы взаимоотношений в области внешней и внутренней политики в послевоенные годы. М., 2005.

6 *Волокитина Т., Мурашко Г., Носкова А.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х гг. XX века. М., 2008.

7 *Цыпин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. М., 1994; *Его же.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.

Гораздо более резок в оценках митрополит Иоанн (Снычев). Он предполагает, что благоприятный для Церкви этап завершился со смертью Сталина в 1953 г. и наступившая сразу же вслед за этим хрущевская оттепель сопровождалась отказом от национально-патриотических элементов официальной идеологии, ее окончательным переводом на интернациональные рельсы и соответственно новым витком антицерковных гонений (как результат процесса «десталинизации»). Полностью замалчивается изменение курса государственной религиозной политики в 1948 г., существенное улучшение положения Московского Патриархата почти сразу после смерти Сталина – в середине 1950-х гг., численность закрытых в 1950-х – начале 1960-х гг. храмов завышается в несколько раз (говорится о 12 тыс.) и т. д.[8]

Заметный вклад в изучение темы внесли зарубежные и русские эмигрантские историки. Следует отметить, что если в 1920–1930-е гг. за границей фактически не существовало расхождений в оценках между научными исследователями и публицистикой – СССР считался государством, стремящимся к уничтожению религии, то после Второй мировой войны ситуация существенным образом изменилась. Восстановление в 1943 г. Патриаршества, проведение грандиозного Поместного Собора 1945 г., активная международная деятельность Московской Патриархии оказали сильное воздействие на позицию значительной части русской эмиграции и руководящие органы Церквей различных конфессий. Многие эмигранты перешли в юрисдикцию Московского Патриархата, представители же Русской Православной Церкви в Америке и Западноевропейского Русского экзархата стали относиться к ней достаточно лояльно. Непримиримой осталась лишь Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ), однако она оказалась почти в полной изоляции. Основные западные христианские Церкви, поверив, что Православие в СССР растет и развивается, стали подчеркивать свою солидарность с Московской Патриархией, во многом приняв проводимую ее иерархами линию в борьбе за мир и разоружение. В духовной печати утвердилась точка зрения, что верующие в Советском Союзе пользуются полной свободой. Иное мнение могли выражать почти исключительно ученые и публицисты, не зависимые от церковных структур. Причем эта часть публицистов впадала в другую крайность, огульно осуждая всю деятельность Московской Патриархии и, стремясь, прежде всего, обратить внимание западного читателя на страдания верующих в социалистических странах.

Из эмигрантов историей послевоенного периода занимались в основном священнослужители и миряне Зарубежной Русской Церкви. Так, в книгах протопресвитера Михаила Польского и епископа Григория (Граббе) опровергались утверждения о прогерманской позиции РПЦЗ в годы

8 *Иоанн (Снычев), митрополит.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 312, 323–326.

Второй мировой войны и подробно освещалась борьба в русском Православии за рубежом во второй половине 1940-х гг.[9] В.И. Алексеев написал работу, содержащую подборку биографий православного епископата в СССР за 1941–1953 гг.[10] Правда, он пользовался только опубликованными источниками, что не могло не сказаться на уровне книги. Антицерковным акциям советских властей в 1950–1960-е гг. были посвящены монографии протоиерея Димитрия Константинова и А.А. Боголепова.[11] В целом работы русских эмигрантов чаще всего субъективны, пристрастны и обычно затрагивают ограниченный круг вопросов какого-то конкретного периода времени. Обобщающих, аналитических монографий ими написано не было.

Зарубежные историки уже в 1950–1970-е гг. высказали ряд гипотез и идей, подтверждение которым нашел в архивных материалах автор. Написавший несколько книг Уильям Флетчер справедливо считал, что изменение государственного религиозного курса наметилось еще в 1939–1941 гг., выделил 1945–1948 гг. как период особенно активного содействия Русской Церкви советским внешнеполитическим акциям. В то же время он датирует начало деятельности Московской Патриархии как «проводника советского империализма» апрелем 1945 г., а не осенью 1943 г., рассматривает только два основных аспекта задач Русской Церкви на международной арене в «сталинскую эпоху». Не оправдывает себя и выделение в качестве последовательных этапов установление контроля Московской Патриархии над Православными Церквами Восточной Европы и попытки получить гегемонию в других регионах – эти акции осуществлялись фактически одновременно. У. Флетчер предвзято оценивает внешнюю деятельность Русской Церкви исключительно с политических позиций. Нельзя согласиться с его утверждением, что международное движение в защиту мира было исключительно «советским творением» с самого начала.[12]

---

9 *Польский М.* Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилл, 1948; *Григорий (Граббе), епископ.* К истории русских церковных разделений за границей.

10 W. Alexeev, *Russian Orthodox Bishops in Soviet Union*, 1941–1953 [Research Program on the USSR: Mimeographed series, No. 61] (New York,1954).

11 *Константинов Д.* Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР. Мюнхен, 1956; *Его же.* Гонимая Церковь; *Его же.* Зарницы духовного возрождения Русская Православная Церковь в СССР в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов. Лондон (Канада), 1973; *Боголепов А.А.* Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958.

12 W. Fletcher, *Religion and Soviet Foreign Policy, 1945–1970* (London, 1973); W. Fletcher, *Portrait of the Most Praised and Vilified of Modern Churchmen – Metropolitan Nikolai of the Russian Orthodox Church – and of the Dilemma the Faces as Religions Leader in a Militantly Secular Soviety Nikolai* (London, 1968); D. Lowrie and W. Fletcher, "Khrushchev's Religious Policy 1959–1964," *Aspects of Religion in the Soviet Union 1917–1967* (Chicago, 1971), pp. 131–155.

Следует также выделить работы Никиты Струве, Майкла Спинки и Ульяма Коларза.[13] Первый из этих историков, подчеркивая, что внешние связи Московской Патриархии являются областью, в которой ее зависимость от государства ощущалась более всего, верно отмечал связь уступок в интересах Церкви с последующими важными международными акциями Патриархии. Однако исторический обзор Н. Струве носит в целом беглый характер и сосредоточен на «хрущевском» периоде и реакции верующих на гонения этого времени. В целом хорошая, хотя и небольшая, монография М. Спинки доходит, к сожалению, лишь до начала 1950-х гг. У. Коларз аргументировано раскрывает политическую подоплеку участия Московской Патриархии в движении за мир. В то же время его работам присущи многие названные недостатки трудов У. Флетчера.

Большинство западных историков преувеличивает степень контроля государства над Русской Церковью, не учитывает обратного воздействия, вынужденности считаться с интересами миллионов верующих. Спорной и недостаточно разработанной представляется и периодизация государственной религиозной политики, всплесков репрессивных акций в их работах, в том числе у наиболее плодовитого автора 1980–1990-х гг. – Дмитрия Поспеловского. Для его, несомненно, ценных в научном плане книг характерно, однако, некритичное, дословное воспроизведение большого количества нарративных источников. Трудно согласиться и с рядом утверждений этого историка. Так, например, он пишет, что государство в СССР осуществляло административные меры в борьбе с религией, так как «Советы рассматривали Русскую Православную Церковь как угрозу их монополии на власть».[14] Но церковные организации отнюдь не подменяют органы государственного управления.

Некоторые из западных историков, например, Джон Куртис, собрав большой фактический материал, оказались неспособными объяснить причины советских гонений на верующих. Принадлежа к поколению американской левой интеллигенции 1930-х гг., позитивно оценивавшей «сталинские достижения», Д. Куртис обвинял в этих гонениях их жертв. А французский историк К. Грюнвальд вообще писал, что репрессии священнослужителей были оправданы, так как вызывались не их религиозными убеждениями, а активной антисоветской деятельностью.[15] Д. Поспеловский так (в основном справедливо) писал в 1995 г. о своих зарубежных предшественниках: «...не будучи православными, а, часто плохо

13 N. Struve, *Les chretiens en URSS* (Paris, 1963); M. Spinca, *The Church in Soviet Russia* (New York, 1956); W. Kolarz, *Religion in the Soviet Union* (London, 1961).

14 D. Pospielovsky, *The Russian Church under the Soviet Regime, 1917–1982* (New York, 1984), p. 425.

15 J. Curtiss, *The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950* (Boston, 1953); C. Grünwald, *The Churches and the Soviet Union* (New York, 1962).

зная историю России и историю Русской Православной Церкви дореволюционного периода, они нередко совершали ошибки в суждениях и сравнениях, проявляли неспособность понять органические церковные процессы, внутреннюю (мистическую) жизнь Церкви».[16] Следует отметить и ограниченность источниковой базы работ западных историков.

Изменение сталинской религиозной политики в середине 1940-х гг.

Сталинская политика в отношении Русской Православной Церкви (как и других конфессий в СССР) делится на два основных этапа: конец 1920-х – 1930-е и 1941–1953 гг. В первый период Церковь подвергалась жесточайшим гонениям, фактически ставилась задача ее полного уничтожения. Всего к 1941 г. за веру было репрессировано около 500 тыс. человек (в том числе не менее 140 тыс. священнослужителей). Из них 200 тыс. было арестовано в 1937 г. (100 тыс. расстреляно).[17]

К осени 1938 г. антирелигиозная политика государственных органов достигла пика своего развития. 7 октября Президиум Верховного Совета РСФСР постановил отменить положение о Центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов. Это означало уничтожение самой возможности контакта Церкви и государства. К тому времени в среде партийного и советского актива получило широкое распространение мнение о необходимости полной ликвидации законодательства о культах. С таким предложением к председателю Совета Народных Комиссаров Иосифу Сталину обращался, в частности секретарь ЦК ВКП(б) Георгий Маленков. Выдвигалось и требование «покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников, с церковной иерархией».[18] С 1938 г. единственной организационной структурой, занимавшейся религиозной политикой, оставался специальный церковный отдел в НКВД. К лету 1941 г. в СССР, не считая присоединенных в 1939–1940 гг. новых территорий (Прибалтики, части Польши и Румынии), по подсчетам автора статьи оставалось всего 350 действующих храмов[19] и 4 правящих архиерея.

Однако разгром церковной организации не привел к желательным для советских властей результатам. С уничтожением большей части духовенства не исчезла потребность колоссального количества людей в религиозной вере, она лишь принимала другие формы. Об этом ярко

---

16 *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 6.

17 База данных Свято-Тихоновского Гуманитарного университета «За Христа пострадавшие» // www.pstbi.ru; *Яковлев А.Н.* По мощам и елей. М., 1995. С. 94–95.

18 *Одинцов*. Государство и церковь в России. XX век. С. 96.

19 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 76; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 9324, оп. 2, д. 1, л. 75, 108 и др.

свидетельствуют результаты переписи 1937 г., включавшей вопрос о религии. Из 98 412 тыс. опрошенных – 55 278 тыс. (56,17%) заявили о своей вере в Бога.[20] Кроме того, часть верующих в обстановке террора, когда людей порой арестовывали лишь за то, что у них дома хранилась Библия, уклонилась от ответа.

Это позволило Русской Церкви не только выстоять, но и возродиться, как только внешние обстоятельства изменились. Неудача планов искоренения религии становилась все более очевидной. И уже в конце 1938 г. появились первые симптомы намечавшегося нового изменения курса государственной политики по отношению к религиозным организациям в СССР. К началу II Мировой войны советским властям в значительной степени удалось создать видимость безбожного государства, но она была иллюзорна. Перепись 1937 г. показала, что более половины населения продолжало оставаться верующим.

После жесточайших антицерковных гонений 1930-х гг. в годы II Мировой войны в СССР произошло существенное смягчение государственной религиозной политики. Особенно значительный поворот случился в сентябре 1943 г., после личной встречи И. Сталина с руководителями Московского Патриархата: митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). В ходе «исторической встречи» были разрешены выборы Патриарха, открытие храмов, духовных учебных заведений, издание «Журнала Московской Патриархии» и т. п. При этом в сентябре 1943 г. был создан особый правительственный орган – Совет по делам Русской православной церкви во главе с полковником госбезопасности Георгием Карповым, который должен был контролировать церковную деятельность и играл очень большую роль в проведении религиозной политики весь послевоенный период.

Указанные перемены были вызваны целым комплексом причин: активной патриотической деятельностью Московской Патриархии, обращением в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям, массовым религиозным возрождением на оккупированной территории, стремлением нейтрализовать воздействие фашистской пропаганды. Самым существенным образом влияли и отношения с союзниками – США и Великобританией.

Несомненно, Сталин действовал по заранее разработанному плану, в котором с некоторых пор стал уделять Церкви значительное внимание для придания собственному режиму власти видимости демократического, веротерпимого государства. В его расчетах Московской Патриархии отводилась существенная роль в налаживании контактов с патриотическим движением, религиозными кругами на Балканах, Ближнем Востоке, в Северной Африке, установлении связей с влиятельными течениями в

20 Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 106–107.

Англии, США, Канаде, способными оказать воздействие на правительство. Шаги Сталина навстречу Церкви вызвали симпатию в этих странах. Однако даже отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции были здесь не главными. Внешнеполитические планы «вождя народов» были гораздо более глобальными. С весны 1943 г., когда исход войны стал ясен, он начал размышлять о будущем послевоенном переделе мира, разрабатывать планы создания мировой державы. В этих имперских замыслах Церкви отводилась немаловажная роль.

При этом репрессии против верующих в СССР полностью не прекратились. Теперь они в первую очередь касались различных течений Катакомбной (тайной) Церкви: истинно-православных христиан (ИПХ), Истинно-Православной Церкви (ИПЦ) и др.[21] Так в июле 1944 г. по указанию Лаврентия Берии, санкционированному лично И.В. Сталиным, из Центрального Черноземья России в Сибирь были депортированы 1673 ИПХ.[22] Кроме того, активно подвергалось репрессиям духовенство, служившее на временно оккупированной немцами территории СССР, в частности были арестованы и осуждены десятки священников Псковской Духовной Миссии, все 7 не ушедших с немцами архиереев Автономной Украинской Православной Церкви. Однако основная часть духовенства Московской Патриархии с 1942 г. перестала подвергаться репрессиям.

31 января 1945 г. в Москве начал свою работу Поместный Собор Русской Православной Церкви. Такого полномочного собрания ее духовенства и мирян не было с 1918 г. На Собор были также впервые приглашены православные Патриархи и их представители из Румынии, Болгарии, Сербии, стран Ближнего Востока, Грузии, зарубежные русские иерархи. Значительную сложность в тех условиях представляло уже размещение и обеспечение всем необходимым 204 участников. Собор вообще стал единственным, исключая военные, правительственные совещания, собранием такого масштаба в годы войны.

Этот Собор, как и Архиерейский Собор 1943 г. (избравший Патриархом митрополита Сергия),[23] не имел возможности восстановить традиции,

---

21 Катакомбная Церковь – собирательное понятие для обозначения различных групп и течений Русской Православной Церкви, которые не признали советскую власть и в 1920-е – начале 1930-х гг. ушли в подполье. Наиболее влиятельными и многочисленными течениями среди катакомбников были возникшие в середине 1920-х гг. под руководством архиепископа Уфимского Андрея (Ухтомского) истинно-православные христиане (ИПХ) и созданная в 1927 г. под руководством митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых) Истинно-Православная Церковь (ИПЦ), называемая также иосифлянским движением. Расцвет деятельности катакомбников пришелся на 1930-е гг., затем их число значительно уменьшилось, но отдельные общины сохранились вплоть до падения советской власти в 1991 г.

22 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-9401сч, оп. 2, д. 65, л. 305–306.

23 Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский Иван Николаевич, 1867–1944). Закончил Петербургскую Духовную Академию, с 1901 – епископ Ямбург-

заложенные на великом Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг. Иная обстановка заставляла не восстанавливать прежнее, а создавать новое церковное устройство. На Соборе 1945 г. было принято «Положение об управлении Русской Православной Церковью», в котором не содержалось указаний о необходимости созыва новых Соборов в определенные сроки. Права Патриарха, по сравнению с имевшимися ранее, возрастали. Усиливалась и единоличная власть епископа, избрание которого оставалось прерогативой Священного Синода, а утверждение архиерея уже целиком принадлежало Патриарху. Епископ мог учреждать Епархиальный совет, этот коллегиальный орган создавался лишь в соответствии с его волей. Не произошло и восстановление Приходского устава 1918 г.: согласно «Положению», настоятель прихода не зависел от органов приходского управления, имея непосредственное подчинение епархиальному архиерею. Патриархом был избран митрополит Ленинградский Алексий (Симанский), почти весь период войны служивший в блокадном Ленинграде. Его интронизация состоялась 4 февраля 1945 г.

Уступки государства в пользу Русской Церкви оказались не такими значительными, как представлялось первоначально. Для Сталина было важным в первую очередь сделать Патриархат послушной частью режима, существовавшего в СССР. Полностью этого добиться не удалось, хотя иерархи были вынуждены пойти на многие компромиссы, болезненные для православного сознания. И все же необходимо подчеркнуть, что в суровых, порой жесточайших условиях Православная Церковь сумела выстоять. Она вновь начала возрождаться во времена тяжелых для всего русского народа испытаний. К концу войны было восстановлено большинство архиерейских кафедр, воссозданы Епархиальные управления, функционировали богословские курсы, количество действующих храмов превышало 10200, в то время как в 1941 г. их (включая новые территории) насчитывалось 3732[24] и т. д.

В этот же период прекратили существование болезненные для Русской Церкви обновленческий и григорианский расколы.[25] Возросшие в

ский, с 1917 – митрополит Владимирский, с 1924 – митрополит Нижегородский, с 10.12.1925 – Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В 1927 г. вместе с членами Временного Синода при нем выпустил декларацию о лояльности советской власти. С 1937 – Патриарший Местоблюститель, 8.09.1943 избран Патриархом. Скончался 15.05.1944 в Москве.

24 ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 4, л. 72–29; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, л. 157–158.

25 Обновленческий раскол в Русской Церкви возник при поддержке советских властей в мае 1922 г., после ареста Патриарха Московского и всея России Тихона и первоначально охватил более половины всех приходов. После освобождения Патриарха в 1924 г. обновленчество быстро пошло на спад и в дальнейшем охватывало мене 20 % православных общин, окончательно исчезнув в 1945–1946 гг. Еще один церковный раскол «слева» – григорианский возник при активной поддержке советских властей в 1926 г., но оказался еще менее успешным и полностью исчез в 1944–1945 гг.

годы войны авторитет, нравственная мощь, организационное укрепление Московского Патриархата, а также изменение отношения государства к ней способствовали изживанию этих расколов «слева», во многом организованных в 1920-е гг. самими властями. В 1943–1944 гг. все григорианские священнослужители после покаяния перешли в Патриаршую Церковь, такой же процесс охватил и обновленческие приходы. Остатки обновленчества прекратили существование в 1946 г. после смерти руководителя движения митрополита Александра Введенского.

В 1945 – первой половине 1948 гг. правительство сделало ряд существенных уступок в пользу Церкви, причем некоторые из них нарушали не отмененный закон 1929 г. о религиозных объединениях – предоставление последним юридического лица с ограниченными правами, значительное расширение прав настоятелей приходов, разрешение хозяйственной деятельности и т. д. Правда, и в указанное время религиозной политике государства явно недоставало последовательности. Изменения охватили не все существовавшие в СССР вероисповедания, по-разному проявлялись в союзных республиках.

Московский Патриархат с окончанием войны всячески пыталась упрочить свое положение, используя расширившиеся возможности. Всего за 1944–1947 гг. в Совет по делам Русской православной церкви поступило 20689 коллективных заявлений об открытии 5998 церквей, из которых было открыто 1270. Начали функционировать 2 Духовные академии и 8 Духовных семинарий. Своеобразием в этот период отличались проповеди священнослужителей. С одной стороны, они нередко носили агитационный проправительственный характер, особенно во время предвыборных кампаний, с другой – имели ярко выраженную антиматериалистическую направленность, способствуя расширению влияния Церкви. Уступки властей в значительной степени объяснялись заинтересованностью государства в тех или иных международных акциях Патриархата и зачастую предшествовали им.

Внешнеполитическая деятельность Московской Патриархии

Уже в начале 1940-х гг. Московская Патриархия стала играть важную роль во внешнеполитических планах советского руководства. К началу войны она несколько лет (с 1935–1936 гг.) не вела международной деятельности. Государственные органы целенаправленно ликвидировали все контакты Церкви с внешним миром, чтобы сведения о ее разгроме и уничтожении духовенства не стали достоянием мировой общественности. С нападением Германии на СССР ситуация изменилась. Правительствам стран – союзников по антигитлеровской коалиции было небезразлично положение Церкви в Советском Союзе. Были учтены и имевшиеся у Московской Патриархии значительные возможности для установления тесных

контактов с влиятельными религиозно-клерикальными течениями в западных странах, ее способность влиять на антифашистскую борьбу в оккупированной Восточной Европе.

В результате в 1942 г. Патриархия выступила с рядом посланий к православным верующим европейских стран: Болгарии, Румынии, Греции, Югославии, Чехословакии и других. Так 22 ноября 1942 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский) и экзарх Украины митрополит Николай (Ярушевич) обратились к солдатам румынской армии с призывом прекратить проливать братскую кровь русского народа.[26] В следующем месяце – 9 декабря Владыки Сергий и Николай написали обращение «К румынским пастырям и пастве», в котором призывали: «Весь христианский мир следит за поведением румынских пастырей. Как скоро они убедят свою паству в необходимости прекратить войну с братским по вере русским народом? Как скоро румынские православные христиане обратят свой гнев против поработителей Западной Европы и в том числе их страны – гитлеровских разбойников?... Румынские собратья – архипастыри и пастыри и все православные люди Румынии! Отрекитесь от союза с людоедом и богоборцем Гитлером и будем вместе с вами, едиными устами, умолять Господа нашего вернуть странам нашим мир и процветание, а изверга рода человеческого Гитлера да покарает рука Всевышнего».[27]

Но подобная деятельность являлась только началом. Исходя из церковных материалов, можно предположить, что весной 1943 г. (после победы под Сталинградом) начала формироваться заинтересованность И.В. Сталина в разделе сфер влияния в Европе. Он понимал, что преодолеть идеологический барьер с ее народами будет неизмеримо легче, если прибегнуть к религии, обеспечить передачу своих идей по церковным каналам. Прежде всего, предполагалось использовать Православные Церкви Восточной Европы. Кроме того, с Московской Патриархией были связаны и более глобальные планы утверждения ее первенства в православном мире, превращение в своего рода «Московский Ватикан». Определенное значение имело и то, что во многих странах имелась паства Русской Церкви. Советскому руководству представлялось возможным таким образом распространять свое влияние на все эти государства.

Международная деятельность Московской Патриархии существенно активизировалась с сентября 1943 г., сразу же после встречи И. Сталина с митрополитами. Конечно, нельзя ее оценивать исключительно с политических позиций. Русская Церковь имела традиционные вековые связи с различными конфессиями – англиканами, лютеранами, Восточным православием, и поэтому было естественным, как только оказались

26 Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. М., 1943. С. 77–79.

27 Там же. С. 80–82.

сняты запреты, восстановление этих связей. Эти контакты касались и сугубо церковных вопросов. Однако внешние связи Патриархии являлись областью, в которой зависимость Церкви от государства ощущалась более всего. Некоторые иерархи были заинтересованы в восстановлении могущественной Русской Церкви с ее дореволюционным международным влиянием, сочувствовали они и идее «Великой Руси». Правда, активность руководящих деятелей Патриархии в выполнении чисто политических акций, тяготивших их, оказалась весьма далекой от расчетов властей.

В целом Русская Православная Церковь недолго играла одну из центральных ролей в «большой политике» советского руководства – с осени 1943 по лето 1948 гг. В этот период она являлась одним из важнейших инструментов реализации наступательной стратегии, осуществления попыток расширить влияние СССР в послевоенном мире. Причем ее использование нередко носило авантюрный характер. Основными направлениями международной деятельности Московской Патриархии в указанные годы являлись: 1) перевод в свою юрисдикцию всех русских заграничных приходов; 2) обеспечение поддержки христианскими конфессиями в восточно-европейских странах режимов «народной демократии»; 3) борьба с Ватиканом; 4) утверждение своего первенства в православном и даже во всем христианском мире.

Только в 1945 г. были организованы выезды делегаций Московской Патриархии в 15 стран. В результате с ней воссоединилось 20 русских архиереев и 285 приходов,[28] в основном входивших ранее в состав Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ).[29] Правда, Американскую и Финляндскую Православные Церкви, а также Западно-Европейский экзархат, несмотря на неоднократные попытки, воссоединить не удалось. Наибольший успех был достигнут в Восточной Европе. Болгарская, Румынская, Сербская, Албанская, Польская и Чехословацкая Православные Церкви стали всецело ориентироваться на Московскую Патриархию и поддерживать правительства «народной демократии».

Одним из важнейших составляющих сталинского плана создания мирового религиозного центра в Москве была борьба с Ватиканом (при этом Сталин явно недооценивал влияние Римского Папы в мире). Антикатолические планы впервые были опробованы на Поместном Соборе 1945 г. В обращении его участников, принятом 6 февраля, решительно

---

28 ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 552; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 23.

29 Русская Православная Церковь за границей возникла после окончания гражданской войны в России на базе общин в эмиграции и окончательно отделилась от Московского Патриархата в 1927 г. РПЦЗ всегда занимала ярко выраженную антисоветскую позицию, ее руководящие органы с начала 1920-х по 1944 гг. находились в Югославии, затем в Германии, а с 1948 г. – в США. В 2006–2007 гг. РПЦЗ восстановила каноническое общение с Московским Патриархатом и вошла в его состав в качестве автономной части.

отвергалось предложение Папы Римского о «мягком мире»[30] в отношении Германии и ее союзников.[31] В соответствии с указаниями заместителя председателя Совета Министров Вячеслава Молотова от 2 марта 1945 г., через 13 дней председатель Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпов направил И.В. Сталину докладную записку, в которой говорилось: «Политический блок с фашизмом усилил профашистскую деятельность Ватикана, особенно ярко выраженную в дни войны. Римско-католическая церковь в своем стремлении к мировому господству ведет наступление и систематическую борьбу за поглощение православия католицизмом».[32] Прежде всего, жесткий курс по отношению к Ватикану самым трагическим образом сказался на судьбе греко-католиков в СССР. Наличие в стране более четырех миллионов верующих, объединенных в особую Церковь, контролируемую Папой, показалось И. Сталину крайне нежелательным.

В осуществлении замыслов вождя заставили участвовать и Московскую Патриархию. 15 марта 1945 г. Г. Карпов писал Сталину, что Православная Церковь «может и должна сыграть значительную роль в борьбе против римско-католической церкви... Совет предлагает: а) организовать в г. Львове православную епархию... б) предоставить епископу и всем священнослужителям данной епархии права на проведение миссионерской работы... е) организовать внутри униатской церкви инициативную группу, которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие».[33] Для привлечения Патриархии правительство пошло на значительные уступки в западных областях СССР. Так например, 28 августа 1945 г. Совет утвердил представленный Патриархом проект типового устава православных духовных братств, подлежащих организации во Львове, Минске, Вильнюсе и других городах. Согласно уставу, братствам разрешалось не только издание листков, брошюр, молитвенников, но и благотворительная деятельность. Также советские власти поощряли деятельность Московской Патриархии в Молдавии с целью дерумынизации региона. Подобные уступки вызвали заинтересованность части иерархов.

Сначала греко-католическому епископату предложили «самоликвидироваться». Некоторое время глава греко-католиков митрополит Иосиф (Слипый) вел переговоры с Московской Патриархией. Когда же

---

30 В конце войны Ватикан выступал против безоговорочной капитуляции Германии и предлагал заключить с ней и ее союзниками менее тяжелые, чем планировало руководство стран антигитлеровской коалиции, мирные договоры.

31 Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1945. № 2. С. 17.

32 «Русская православная церковь стала на правильный путь» / Публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 1994. № 3. С. 93.

33 *Одинцов М.И.* Хождение по мукам. 1939–1954 годы // Наука и религия. 1990. № 8. С. 21.

определенно выяснилось, что все пять униатских архиереев не желают переходить в Православие, в апреле 1945 г. их арестовали. Через месяц появилась инициативная группа по воссоединению во главе с протопресвитером Григорием Костельником, которая развернула широкую агитацию. 8–10 марта 1946 г. на Львовском «Соборе» греко-католического духовенства и мирян было принято решение о воссоединении с Православной Церковью и упразднении Брестской унии 1596 г. Как видно из документов ЦК ВКП(б), осуществление акции контролировал 1-й секретарь компартии Украины Никита Хрущев, который по всем значительным деталям запрашивал санкции Сталина.[34] Львовский «Собор» нанес ощутимый удар по Ватикану. Но это оказалось только началом. 14 февраля 1947 г. Г. Карпов представил на утверждение новую программу борьбы с центром католицизма: «а) окончательно ликвидировать униатскую церковь в СССР; б) подготовить проведение аналогичных мероприятий в некоторых странах за границей... д) создать альянс христианских церквей в виде международного движения во главе с Русской православной церковью для борьбы с Ватиканом, пригласив участвовать в нем все другие вероисповедания».[35]

Еще более детально эта программа была изложена в совместной докладной записке в ЦК ВКП(б) руководителей Советов по делам Русской православной церкви и религиозных культов от 1 февраля 1947 г. В ней отмечалось, что предпринятые попытки борьбы с католицизмом как с вероисповеданием успеха не имели: «Борьба против привычного, устоявшегося ритуала и традиций, не оправданная логически и политически, вызывает лишь раздражение в массах, усиливая тем самым сопротивление». Предлагался другой вариант: «Католическая церковь при условии очищения ее от элементов, прямо диктующих вмешательство в политическую борьбу и устанавливающих теократию, освобожденная от централизма и разделенная на национальные («автокефальные») церкви... могла бы быть терпима».[36]

Создание независимых от Ватикана Церквей в СССР, Восточной Европе и других регионах мыслилось основным средством борьбы с ним. Главная роль опять отводилась Московской Патриархии. Она должна была выступить инициатором международного христианского движения и в качестве первого шага выпустить «Обращение ко всем христианам мира», в котором бы говорилось, что «долг христиан всего мира помочь католикам освободиться от папизма» и «для этого должны быть объединены силы всех христиан, независимо от различий в вероисповедании».

Предполагалось, что после опубликования обращения к нему декларативно присоединятся другие христианские Церкви как в СССР (что

34 РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, л. 29–48.

35 Там же, д. 407, л. 36–37.

36 Там же, д. 506, л. 13–14.

считалось гарантированным), так и за рубежом: православные, лютеране, баптисты, методисты, старокатолики, англикане, копты и некоторые католики (в Польше, Югославии, Бразилии, США). Далее эти присоединения будут рассматриваться планируемым на сентябрь 1947 г. в Москве совещанием глав Православных Церквей, которое призовет к созданию исполнительного органа нового движения. И уже этот орган с местопребыванием в Москве поведет текущую организационную и пропагандистскую работу и подготовит созыв всемирной конференции христианских Церквей (задуманной еще в марте 1945 г.).[37] Таким образом, в конечном итоге через борьбу с Ватиканом Русская Церковь должна была возглавить всемирное христианство (и осуществлять через него советское влияние на большую часть человечества).

Одно время казалось, что планы создания «Московского Ватикана» близки к осуществлению. В сентябрьском 1946 г. номере «Журнала Московской Патриархии» говорилось об исключительном оживлении в лоне Православной Вселенской Кафолической Церкви, под фактическим водительством Русского Православия: «Москва – третий Рим, а четвертому не бывать...».[38] Еще в марте 1946 г. митрополит Николай (Ярушевич) писал в Совет по делам РПЦ о необходимости проведения в Москве Вселенского Собора. Трудно сказать, у кого родилась эта идея, но она была полностью одобрена И. Сталиным, возлагавшим на ее осуществление большие надежды. Первоначальный замысел отличался грандиозностью. 13 января 1947 г. Патриарх Алексий писал Карпову о предполагаемом проведении 1–10 октября в Москве Собора всех существовавших тогда в мире автокефальных Православных Церквей, причем представлены они должны были быть своими главами. Планировалось и участие делегаций Сиро-Халдейской, Армяно-Григорианской, Коптской Церквей в связи с обсуждением вопроса об их соединении с Православием. 23 января начала работать подготовительная комиссия Патриархии, в программу Собора намечалось включить девять вопросов, главные из которых носили «политический» характер – отношение к воинствующему католицизму и экуменическому движению. Для создания заинтересованности у будущих участников в начале 1947 г. готовилась передача подворий Иерусалимской, Сербской, Антиохийской, Александрийской Церквам в Москве, Киеве и Ленинграде; выплата денежных подарков в валюте главам Константинопольской, Кипрской, Греческой, Албанской, Сербской Церквей (в частности, Вселенскому Патриарху было выделено 40 тыс. долларов). В свою очередь, и Московской Патриархии пообещали передать все здания Троице-Сергиевой Лавры, собор в Новодевичьем монастыре и т. п.[39]

---

37 Там же, д. 313, л. 14–16; «Русская православная церковь стала на правильный путь». С. 96.

38 ЖМП. 1946. № 9. С. 56.

39 ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 17, л. 3–4; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 1–4.

В середине февраля планы были откорректированы – в сентябре 1947 г. намечалось проведение уже предсоборного совещания, основной целью которого провозглашалась подготовка созыва в 1948 г. Вселенского Собора «для решения вопроса о присвоении Московской патриархии титула вселенской».[40] Таким образом, был разработан план создания в Москве мирового религиозного центра (противоречащий некоторым канонам), его реализация фактически могла изменить всю тысячелетнюю историю христианства.

Однако все эти замыслы сразу стали рушиться. Еще в январе 1947 г. тяжело заболел и полностью отошел от дел лояльный к СССР Константинопольский Патриарх Максим. Его окружение, почувствовав в Московской Патриархии соперника по вопросу лидерства в православном мире, заняло гораздо более жесткую позицию. На Константинополь всецело ориентировались Элладская и Кипрская Церкви. Так, от главы последней архиепископа Леонтия 29 июня 1947 г. в Москву пришла телеграмма: «К сожалению, не принимаем приглашения на Всеправославный Собор, каковое полномочие имеет одна лишь Вселенская Патриархия Константинопольская».[41] Сыграла свою роль и широкая кампания в западной прессе по компрометации Русской Церкви. В борьбу за срыв московского замысла активно включился Ватикан, роль которого в мире явно недооценили.

В результате срыв первоначальных планов стал очевиден. Советское руководство решило ограничиться более скромной задачей – проведением в Москве летом 1948 г. совещания глав Православных Церквей под благовидным предлогом празднования 500-летия автокефалии Русской Церкви. Поскольку на приезд значительной части Восточных Патриархов надежды уже не было, на совещании намечалось окончательно оформить европейский Православный блок. В связи с этим в сентябре 1947 г. в Сочи готовилась еще одна встреча Патриарха Алексия со Сталиным, но из-за нездоровья Владыки и по ряду других причин она не состоялась.[42]

В конечном итоге совещание оказалось даже более представительным, чем ожидалось. В Москву приехали делегации 11 автокефальных Церквей из 13. Празднества и заседания проходили в Москве почти всю первую половину июля. Об их ходе Г. Карпов чуть ли не ежедневно писал доклады секретарям ЦК ВКП(б) – сначала А. Жданову, а затем Г. Маленкову. Копии докладов передавались Сталину. Все решения совещания заранее получили санкцию партийного руководства. Так, отдел пропаганды и агитации ЦК 6 июля высказал мнение: «В проекте резолюции «Ватикан и Православная Церковь» желательно было бы сказать сильнее о реакционном, антинародном характере деятельности Ватикана и па-

40 РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 34.

41 ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 16, л. 57.

42 *Алексеев*. «Штурм небес» отменяется? С. 193.

пизма. В особенности необходимо указать на поддержку папою фашизма и на организацию борьбы против СССР».[43] Пожелания были учтены.

В результате предварительной работы удалось достичь единства позиций участников совещания, хотя без борьбы не обошлось. Колебался Болгарский митрополит Стефан, и его поведение определила только телеграмма министра иностранных дел о принципиальном согласии правительства Болгарии на установление Патриаршества. Единогласно были приняты постановления «Ватикан и Православная Церковь», «Экуменическое движение и Православная Церковь», направленные против Римского Папы и «гнезда протестантизма» Америки, а также схожее по характеру «Обращение к христианам всего мира». В резолюции «Об англиканской иерархии», хотя и в мягкой форме, ей фактически отказывали в признании апостольской приемственности.[44] Конфронтация бывших военных союзников повлияла на межцерковные связи, Англиканская Церковь рассматривалась уже как претендент на европейское лидерство. Между тем на совещании решались и вопросы, которые вполне могли бы ставиться на Вселенском Соборе. Изданные деяния его содержат большой и интересный материал по многим и сейчас злободневным богословским вопросам, К сожалению, это был кратковременный прорыв православной мысли, возможно, «по недосмотру» контролирующих государственных органов.

С точки зрения советского руководства, как видно из итогового отчета Карпова, совещание прошло вполне успешно. Задача-минимум – сплочение восточноевропейских Церквей под руководством Московской Патриархии – была выполнена, намеченные постановления приняты. В Совете Министров приступили к подготовке так и не состоявшихся решений об организации новых встреч глав Православных Церквей, увеличении денежной помощи Восточным Патриархиям, усиление деятельности Русской Церкви за границей.[45] Но международные и внутренние аспекты советской религиозной политики уже начали существенным образом меняться.

Во второй половине 1948 г. произошло резкое падение заинтересованности руководства СССР во внешнеполитических акциях Русской Церкви. Потерпели крах все «средиземноморские» планы И. Сталина в Греции, Турции, Израиле, и соответственно, не так нужны стали восточные православные иерархи. Кроме того, 1 ноября 1948 г. новым Константинопольским Патриархом был избран «американский ставленник» архиепископ Нью-Йоркский Афинагор, настроенный антикоммунистически. 27 января 1949 г. на интронизации он призвал к сотрудничеству христиан и мусульман для борьбы против коммунизма.[46] В основном завершилось

43 РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 25.

44 Там же, л. 104–105.

45 Там же, л. 108.

46 Там же, д. 111, л. 212.

выполнение Московской Патриархией своей «миссии» в восточноевропейских странах, там утверждались режимы народной демократии.

Явной неудачей закончились планы создания «Православного Ватикана» в Москве. Да и основные цели борьбы с Ватиканом настоящим не были достигнуты. Всемирно-христианского антипапского движения создать не удалось. Более того, после окончания войны политический вес и влияние Римского престола в международных делах значительно выросли. Во многих европейских странах появились активные демохристианские группировки, с успехом противостоявшие коммунистам. В ряде государств Католическая Церковь стала главным препятствием продвижения последних к власти. В мае 1947 г. не без участия Ватикана коммунисты были устранены из французского и итальянского правительств. Упорная борьба разгорелась на парламентских выборах в апреле 1948 г. в Италии. Демохристиане выдвинули лозунг «Рим или Москва». Папа в своем послании объявил «дезертиром и предателем любого, кто окажет... поддержку... партиям или властям, не признающим Бога». В итоге Христианско-демократическая партия победила, набрав 48,7% голосов.[47]

Кроме Римского Папы у Московской Патриархии появились новые сильные конкуренты – Константинопольский Патриарх и Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), созданный на проходившей в августе-сентябре 1948 г. Ассамблее экуменического движения в Амстердаме.[48] Несмотря на все противодействие СССР, в организации ВСЦ участвовали и три автокефальные Православные Церкви. Таким образом, Русская Церковь недолго играла одну из центральных ролей в «большой политике» советского руководства – с осени 1943 по лето 1948 гг. В этот период она являлась одним из важнейших инструментов реализации наступательной стратегии СССР, осуществления попытки установить доминирующее влияние в послевоенном мире.

Основными направлениями международной деятельности Московской Патриархии в эти годы были переводы в свою юрисдикцию всех русских заграничных приходов, обеспечение поддержки христианскими конфессиями в восточно-европейских странах режимов народной демократии, борьба с Ватиканом и утверждение своего первенства в Православии и даже во всем христианском мире. Далеко не все из поставленных задач были реализованы. Но это объясняется, прежде всего, их чрезмерной глобальностью, авантюристическим подходом советских государственных органов, разрабатывавших данные планы.

---

47 *Григулевич И.Р.* Папство. Век XX. М., 1978. С. 260–261.

48 Всемирный Совет Церквей – общественная религиозная организация, существующая с 1948 г. по настоящее время и объединяющая большинство христианских конфессий, кроме Католической Церкви. Первоначально подавляющую часть членов ВСЦ составляли протестантские организации, но в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в ВСЦ вошли почти все Поместные Православные Церкви, в том числе Московский Патриархат.

1948 г. стал во многом поворотным во внешней политике СССР. Начиналась «холодная война». Еще 5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании У. Черчилль произнес свою знаменитую речь в Фултоне, которую И. Сталин в интервью «Правде» расценил как «призыв к войне с СССР».[49] А через год – в марте 1947 г. – президент Г. Трумэн декларировал «право» США оказывать влияние на политику других стран, вскоре продемонстрировав его на практике в Греции и Турции. Неудачная блокада Западного Берлина показала, что страны Запада готовы активно сопротивляться, появились проблемы с Югославией.

В новых условиях советское руководство отказалось от наступательной стратегии в Европе и на Ближнем Востоке и переориентировало внешнюю политику на укрепление и консолидацию сил образовавшегося восточно-европейского лагеря. Началась эпоха ядерного противостояния, балансирования на грани «горячей войны». В этой связи советское руководство потеряло интерес к использованию Московской Патриархии в мировой политике, стала очевидной ограниченность ее возможностей в новых условиях. Однако Церкви все же нашлась определенная роль – участие в движении за мир, призванном компенсировать невозможность для СССР в условиях «холодной войны» иными путями решать многие внешнеполитические задачи, воздействовать на политику других государств. Советское правительство было сильно встревожено значительным военным перевесом стран Запада и опасалось нападения. Существовавшее военное неравновесие и была призвана частично компенсировать активно развернувшаяся «борьба за мир».

В этих обстоятельствах появился новый фактор заинтересованности советского руководства в международных акциях Московской Патриархии – ее участие в движении за мир. Новая роль Русской Православной Церкви оказалась неизмеримо скромнее прежней. Она была полезным, но не необходимым элементом внешней политики СССР. В целом же в конце 1940-х – начале 1950-х годов позиции Московской Патриархии на международной арене значительно ослабли (уменьшилось влияние на Православные Церкви, были свернуты контакты с другими конфессиями). Падение заинтересованности в международной деятельности Русской Церкви сказалось и на ее положении внутри страны.

Ухудшение положения Русской Церкви внутри страны в последние годы жизни Сталина

Первые признаки охлаждения государственно-церковных отношений проявились уже в 1947 г., по мере того как ясными становились ограниченные возможности использования Патриархии на международной

49 Правда. 1946. 14 марта.

арене, и соответственно падал интерес к ней. Вдвое по сравнению с предыдущим годом снизилось количество официально открытых храмов. Вплоть до начала 1947 г. Церковь вносила сотни миллионов рублей на общественно-политические цели, в том числе большую часть в благотворительные организации и фонды – помощи детям сиротам, семьям военнослужащих, Красный Крест и т. п. Многие выплаты имели конкретные адреса – детских интернатов, домов ветеранов, отдельных инвалидов войны через собесы. Эта практика, поднимавшая авторитет Церкви, вызывала озабоченность властей, и в феврале 1947 г. согласно указанию из Совета Министров Патриарх Алексий предписал полностью прекратить все сборы на патриотические цели. Сокращение поступлений в государственный бюджет было компенсировано обязательной подпиской духовенства и прихожан на займы восстановления народного хозяйства, а также усилением налогового бремени. Появились первые помехи на пути поступательного роста духовных школ.[50]

В 1947 г. вновь появляется и стремление оживить практически свернутую атеистическую пропаганду. До И. Сталина доходили сведения, что среди партийных кадров некоторая часть критикует «забвение ВКП(б) необходимости решительной антирелигиозной борьбы». «Вождь» не мог полностью игнорировать такие настроения. Выдвинув в 1947 г. на пост секретаря ЦК Михаила Суслова, он посоветовал ему «не забывать об атеистической пропаганде среди народа», в тоже время отметив, что этот вопрос сейчас не самый главный. В июле 1947 г. было создано «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний», естественно, на основе материализма. Секретариат ЦК ВКП(б) в октябре на закрытом заседании обсудил состояние отношений правительства с Церковью и пришел к выводу, что их надо развивать, не переоценивая перспективы последней и без излишне настойчивой опеки ее.[51]

Эти симптомы предвещали скорое изменение всего положения Московской Патриархии. Перелом в государственно-церковных отношениях, который произошел во второй половине 1948 г., был вызван целым комплексом различных причин. Помимо изменения международного положения СССР существовала и другая группа факторов: переключение внимания И. Сталина к новому витку внутриполитической борьбы, чисток и репрессий, уже отмечавшиеся уступки части партийного аппарата, не одобрявшей послаблений Церкви, некоторые кадровые перестановки и т. п. Вновь заработала полным ходом «машина устрашения». Власти попытались обуздать выпущенные в годы войны духовные силы: национального, личностного самосознания, религиозного жизнеощущения. Политика ограничения свободы совести не могла не коснуться Церкви, которую, несмотря на все стремления, не удалось превратить в элемент

50 РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 127.

51 *Алексеев*. «Штурм небес» отменяется? С. 200, 202.

тоталитарной системы. Раздражение чиновников государственного аппарата вызывало и постоянное настойчивое стремление руководящих деятелей Патриархии расширить сферу ее влияния, явно переходящее в их (чиновников) представлении рамки дозволенного.

Первые существенные ограничения деятельности Церкви последовали в конце лета 1948 г. 25 августа под давлением Совета Священный Синод был вынужден принять решение о запрещении крестных ходов из села в село, духовных концертов в храмах вне богослужений, печатания в епархиях без разрешения Синода акафистов, посланий епископов, недопустимости разъездов архиереев в период сельских работ, запрещении всяких молебствий на полях и т. д.[52] А вскоре состоялась беспрецедентная акция, показавшая всю мстительность И. Сталина. 10 августа 1948 г. распоряжением Совета Министров, подписанным в качестве заместителя председателя Климентом Ворошиловым, разрешалось открыть 28 православных храмов. Однако 28 октября Совет Министров постановил отменить распоряжение под предлогом того, что оно не было подписано председателем этого органа И.В. Сталиным. Решение ЦК ВКП(б) по данному вопросу было разослано всем местным партийным организациям. Этот факт и последовавшее за ним насильственное закрытие только что открытых церквей вызывало резкое изменение в отношении к ходатайствам верующих как в центре, так и на местах.[53]

Вплоть до смерти И. Сталина ни один новый православный храм официально разрешен не был. Более того, для конца 1940-х – начала 1950-х гг. характерно массовое изъятие церковных зданий для их переоборудования под клубы. Активно выявлялись и ликвидировались нелегальные молельные дома. 16 ноября 1948 г. Синод вынудили принять решение о запрещении превращать проповеди в храмах в уроки Закона Божия для детей. Новые ограничения вызывали сопротивление как мирян и рядового духовенства, так и некоторых архиереев. Например, 15 августа 1949 г. Г. Карпов сообщал М. Суслову о массовых случаях молений под открытым небом, в связи с чем в январе – июне уполномоченные Совета сняли с регистрации 12 священников. Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) написал Патриарху письмо с протестом против «абсолютного» запрещения обучения детей основам христианской религии. Примечательно, что с ответным посланием Патриарха Алексия от 18 января 1949 г. было ознакомлено 15 высших партийных и государственных руководителей.[54]

Удар по Московскому Патриархату готовился сильный. Уже в сентябре 1948 г. под руководством М.А. Суслова был подготовлен проект

52 РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 109, л. 48.

53 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 8–9.

54 РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 109, л. 36–37.

постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». Однако с ходу он не прошел. Тогда часть аппарата, вдохновленная откровенно недружественным к Церкви октябрьским жестом вождя, фактически организовала крупную провокацию, причем одновременно и против Совета по делам РПЦ. 6 декабря Г. Карпов, вряд ли самостоятельно, разослал уполномоченным инструктивное письмо, предлагая принять меры к тому, чтобы на местах не чинились препятствия к проведению крестных ходов на воду, молебнов и Крещенских водосвятий. Естественно, многолюдные крестные ходы состоялись во многих городах и селах. Повод для нагнетания антицерковных настроений был найден скоро. 5 февраля 1949 г. министр госбезопасности СССР Владимир Абакумов написал Г. Маленкову, что в Саратове в молебне водосвятия на Волге участвовало 30 тыс. жителей и свыше 500 из них купалось в специально оборудованной проруби, предлагая разобраться с виновными.[55] Тут же в «Правде» появилась разгромная статья «Саратовская купель».

Непрошедший сентябрьский проект постановления ЦК был назван – «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний» и переработан с учетом «саратовского козыря». Серьезные обвинения выдвигались теперь и против Совета по делам РПЦ, уполномоченные которого якобы «стали видеть свое главное назначение в оказании содействия церковным организациям». В разработанном проекте нового положения о Совете, по существу, эта организация должна была подвергнуться разгрому, все должности уполномоченных ликвидировались, а сами они, вероятно, большей частью оказались бы в лагерях.[56] Но И. Сталина не устроил и второй вариант. Тогда в апреле заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК Дмитрий Шепилов представил на рассмотрение вождя новый, еще более скромный проект постановления под названием «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника «крещение» в городе Саратове». Пытаясь скомпрометировать в глазах И. Сталина Г. Карпова, в сопроводительной записке Д.Т. Шепилов подчеркивал, что тот регулярно дарил и сам принимал подарки от руководства Патриархии, В приложенном переработанном проекте положения о Совете ликвидировалась лишь треть должностей уполномоченных, его права сужались в меньшей степени, чем раньше. Однако и третий вариант 13 мая был отправлен в архив с пометкой: «Решения не принималось. Вопрос тов. Маленковым был доложен тов. Сталину».[57]

Интересно, что в апреле отдел пропаганды и агитации уже разослал на места материалы для очередных семинаров секретарей райкомов ВКП(б) по шести темам, в том числе «Научно-атеистическая пропаганда», во многом составленные в привычных традициях 1930-х гг. А через три

55 Там же, д. 110, л. 28–29, 44, 54–55.

56 Там же, л. 21–26.

57 Там же, л. 20, 26.

недели специально созданная комиссия во главе с Д. Шепиловым была вынуждена заново отредактировать и разослать их, убрав всякую критику Совета по делам РПЦ, фразы о «воинствующем пролетарском атеизме», «непримиримой» борьбе и т. п.[58]

В 1949 г. очередная антирелигиозная война все-таки не захлестнула Церковь. Продемонстрировав партийным кадрам верность заветам классиков марксизма, И. Сталин не желал кардинально менять избранный курс в религиозном вопросе. Церковь была еще нужна. «Вождь народов» учитывал фактор усталости населения СССР от коммунистической пропаганды и тот эффект, который приносило использование выступлений священнослужителей в его целях. Кроме того, Церковь вновь приобрела такой вес, что война с ней могла привести к слишком большим издержкам. Сохранялась и определенная заинтересованность в международной деятельности Патриархии.

В последние годы жизни И. Сталина государственные органы взяли на вооружение тактику постепенного повсеместного ограничения влияния Церкви при сохранении внешне ровных отношений. Уже в октябре 1949 г. Г. Карпов указал Патриарху Алексию, что «Синоду и патриархии следовало бы продумать сумму мероприятий, ограничивающих деятельность церкви храмом и приходом».[59] Неоднократные попытки Первоиерарха добиться встречи со Сталиным и как-то изменить ситуацию закончились неудачей. Совет по делам РПЦ все больше сосредоточивался на функциях надзора, хотя отчасти сохранял прежнюю традицию, порой амортизировал особенно ущемлявшие интересы Церкви указы и постановления.

Начиная с 1949 г., постепенно были прекращены службы вне стен храмов, отменены крестные ходы, кроме Пасхальных, ограничены разъезды духовенства по населенным пунктам, не допускалось обслуживание одним священником нескольких церквей. Стали еще активнее преследоваться совершавшие религиозные обряды коммунисты и комсомольцы. В 1950 г. по рекомендации Совета был принят указ о пострижении в монашество только с разрешения Патриарха, начали призывать в армию учащихся духовных школ, не имевших сана. Увеличились налоги. В 1951 г. не только стали облагать ими причтовые отчисления в пользу епархии и подарки духовенству, но и в принудительном порядке заставили уплатить соответствующие суммы за 1949–1950 гг. В этом году при уборке урожая только в Курской области по распоряжениям райисполкомов около 40 зданий действующих храмов были на много месяцев засыпаны зерном.[60]

---

58 Там же, л. 15–18.

59 Там же, д. 109, л. 47.

60 РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 12–14, д. 704, л. 44.

Значительно участились случаи арестов наиболее активных священников и архиереев. Например, в сентябре 1948 г. был в седьмой раз репрессирован архиепископ Мануил (Лемешевский), а в 1949 г, осудили на 10 лет епископа Красноярского только за то, что он «спровоцировал» дочку коммунистки «преподнести от имени пионеров» торт приехавшему в город митрополиту Новосибирскому Варфоломею. Причем ЦК ВКП(б) утвердил решение краевого комитета о снятии с должности «за пособничество церковникам» красноярского уполномоченного, несмотря на активную защиту его Г. Карповым.[61] Еще более жестоким репрессиям подвергались греко-католики и различные течения Катакомбной Церкви. В целом к 1953 г. Патриаршая Церковь заметно сократилась количественно. Только в 1951 г. было закрыто 8 обителей. Уже распались братства, ранее существовавшие на Западной Украине почти при каждой сельской церкви. Не лучшие времени переживали духовные школы и т. п.

Таким образом, осенью 1948 г. произошел перелом, государственные органы избрали новую тактику религиозной политики: вместо жесткого контроля влияния Церкви – повсеместное вытеснение ее на периферию общественной жизни. Здесь сказались не только внешнеполитические обстоятельства, но и начало курса на общее ужесточение репрессий против всякого инакомыслия. Большая часть партийно-советского актива сохраняла приверженность в идеологической работе антирелигиозным стереотипам и догмам 1930-х гг. Линия на потепление государственно-церковных отношений воспринималась ими как вредная для ВКП(б). Немало было тех, кто говорил о «сползании» с марксистских позиций, необходимости «закрутить гайки». Учитывая подобные взгляды, Иосиф Сталин дал согласие на разработку специального антирелигиозного постановления ЦК, поручив ее Михаилу Суслову. Но, в конце концов, «вождь народов», более дальновидный и прагматичный, чем большинство его соратников, все же сумел свернуть подготовку этого документа. Повторения разгрома Церкви 1930-х гг. не произошло. Но подобная опасность не была устранена, она лишь отодвинулась на время. Новая жестокая волна так называемых «хрущевских» гонений обрушилась на все конфессии СССР уже после смерти Сталина (март 1953 г.), – в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.

---

61 *Митрополит Иоанн (Снычев).* Митрополит Мануил (Лемешевский). СПб., 1994. С. 203–206; РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 285, л. 131.